

Лаврова С. Ю. Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня») / С. Ю. Лаврова, Л. А. Ермакова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 92—112. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112.

Lavrova, S. Yu., Ermakova, L. A. (2021). Character's Inner Speech as Effective Way of Literary Discourse Organization (Novel "The Remains of the Day" by Kazuo Ishiguro). *Nauchnyi dialog*, 6: 92-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112

**Внутренняя речь
персонажа как основной
способ организации
художественного дискурса
Кадзуо Исигуро
(на материале романа
«Остаток дня»)**

Лаврова Светлана Юрьевна¹
orcid.org/0000-0003-3628-3463
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной
филологии и прикладных коммуникаций
svella1012@mail.ru

Ермакова Любовь Алексеевна²
orcid.org/0000-0002-9263-2747
кандидат филологических наук, доцент
кафедры романо-германских языков
s.eadem@mail.ru

¹ Череповецкий
государственный университет
(Череповец, Россия)

² Костромской
государственный университет
(Кострома, Россия)

**Character's Inner Speech
as Effective Way of Literary
Discourse Organization
(Novel "The Remains
of the Day" by Kazuo
Ishiguro)**

Svetlana Yu. Lavrova¹
orcid.org/0000-0003-3628-3463
Doctor of Philology, Professor
Department of Russian philology
and applied communications
svella1012@mail.ru

Lyubov A. Ermakova²
orcid.org/0000-0002-9263-2747
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Romance-Germanic
Languages
s.eadem@mail.ru

¹ Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)

² Kostroma State University
(Kostroma, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирована вербализованная внутренняя речь главного персонажа художественного текста романа «Остаток дня» как способ организации художественного дискурса его автора, английского писателя Кадзуо Ишигуро. Актуальность исследования обусловлена интересом к анализу внутренней речи персонажей в художественном тексте, отличающейся от естественной внутренней речи субъекта способами языкового выражения, спецификой в структуре повествования. Показано, что исследование внутренней речи персонажа художественного дискурса с помощью таких параметров его измерения, как структурно-композиционный, семантико-концептуальный, коммуникативный, позволяет выявить особенности функциональной роли данного типа речи. Новизна исследования заключается в обосновании того, как внутренняя речь персонажа (интроспекция), являясь значимой единицей композиции, коррелирует с проспекцией и ретроспекцией текста, выступая основной формой повествования. Выявлено четыре базовых концепта, организующих содержательное наполнение внутренней речи персонажа. Рассмотрено рема-тематическое соотношение заглавия романа и основного текста как основы художественного дискурса автора. Особое внимание уделяется модальности внутренней речи персонажа с точки зрения прагматической направленности такого типа речи на адресата-читателя и дискурсивным маркерам, влияющим на процесс интерпретации дискурса.

Ключевые слова:

языковая личность персонажа; вербализованная внутренняя речь персонажа; дискурсивные маркеры; концепт; Великий дворецкий; Кадзуо Ишигуро.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the protagonist's verbalized inner speech in the literary text of the novel "The Remains of the Day" as a way of literary discourse organization by English novelist Kazuo Ishiguro. The relevance of the study is explained by the interest in the analysis of the inner speech of characters in a literary text, which differs from the natural inner speech of an individual in the ways of linguistic expression, the specifics in the structure of the narrative. It is shown that the study of the inner speech of a character of literary discourse using such parameters of its measurement as structural-compositional, semantic-conceptual, communicative, allows us to identify the features of the functional role of this type of speech. The novelty of the research lies in the substantiation of how the character's inner speech (introspection), being a significant unit of composition, correlates with prospection and retrospection of the text, acting as the main form of narration. The article elicits four basic concepts that organize the content of the character's inner speech. The authors of the article offer a close analysis of the retheme-theme correlation of the title of the novel and the main text as the basis of the author's literary discourse. Particular attention is paid to the modality of the character's inner speech from the point of view of the pragmatic orientation of this type of speech towards the addressee-reader and discourse markers that influence the process of discourse interpretation.

Key words:

linguistic personality of a character; verbalized inner speech of a character; discursive markers; concept; Great butler; Kazuo Ishiguro.

Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня»)

© Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А., 2021

1. Введение

Данная работа посвящена лингводискурсивному анализу вербализованной внутренней речи персонажа в романе английского писателя Кадзуо Исигуро «Остаток дня» [Ishiguro, 1999]. **Объектом** нашего исследования является внутренняя речь персонажа художественного текста (далее — ХТ), привлекающая интерес специалистов, занимающихся проблемами порождения и восприятия ХТ, субъектно-речевыми структурами, которые представлены в нем. **Предметом** исследования выступают языковые приёмы репрезентации внутренней речи персонажа в организации художественного дискурса (далее — ХД) романа «Остаток дня». Диалогическая природа сознания человека (по М. М. Бахтину, «быть — значит общаться диалогически» [Бахтин, 1972, с. 45]) обуславливает непреходящую **актуальность** исследований, посвящённых анализу структуры, содержания и функции человеческой речи, как внешней, ориентированной на взаимодействие человека с социальным миром, так и внутренней, ориентированной на диалог с самим собой. В статье ставится **цель** — показать специфику организации внутренней речи (далее — ВР) персонажа ХТ как базового способа создания ХД романа «Остаток дня». Основная **задача** исследования заключается в анализе структурной, семантической и коммуникативной организации дискурса, в пространстве которого ВР персонажа приобретает доминантные черты. **Методологическую базу** исследования составляют как классические работы М. М. Бахтина [Бахтин, 1972], В. В. Виноградова [Виноградов, 1971], Л. С. Выготского [Выготский, 1996], Н. И. Жинкина [Жинкин, 1998], А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1969] и др., так и работы современных исследователей И. В. Артюшкова [Артюшков, 2004], С. Г. Лариной [Ларина, 2014], Н. М. Леоновой [Леонова, 2005], Ю. В. Погребняк [Погребняк, 2012], Ю. М. Сергеевой [Сергеева, 2009], О. С. Федотовой [Федотова, 2007] и др. **Материалом** для анализа служит текст романа Нобелевского лауреата Кадзуо Исигуро «Остаток дня», получивший в 1989 году Букеровскую премию. **Теоретическая** значимость работы обусловлена возможностью уточнения теоретических положений, касающихся роли ВР персонажа в координатах не только ХТ, но

и ХД, когда её понимание расширяется за счёт интерпретации в контексте читательской прагматики. *Практически* речевые способы выражения ВР персонажа как одного из повествователей художественного пространства могут изучаться в лингвистике текста, теории дискурса, грамматике речи и других лингвистических дисциплинах. В данном исследовании мы используем *методы* лингвистического анализа текста, контекстуального и концептуального анализа художественного дискурса.

Изучение вербализованной ВР персонажа художественного текста очень важно с лингвистической точки зрения, поскольку позволяет охарактеризовать речевую сторону образа персонажа и понять ту функциональную роль, которую она выполняет в структуре письменного художественного текста.

2. Лингвистический аспект исследования внутренней речи персонажа

Первые исследования, связанные с анализом понятия ВР, предприняты в XX веке известными учёными и носят психолингвистический характер. Так, Л. С. Выготский в программной работе «Мышление и речь» обозначает, в каком русле развивается представление учёных о данном феномене, начиная с понимания ВР как вербальной памяти; как непроизносимой, невзвучающей, немой речи; как всего того, что предшествует моторному акту говорения [Выготский, 1996, с. 314—316]. Л. С. Выготский отмечает, что ВР есть особое по своей психологической природе образование и особый вид речевой деятельности, ключом к пониманию которой выступает эгоцентрическая речь [Там же, с. 317—333]. Большую роль для дальнейшей интерпретации понятия имеет определение учёным ВР как речи, оперирующей преимущественно семантикой, а не фонетикой [Там же, с. 346—347], речи с преобладанием смысла слова над его значением, речи с особым синтаксическим строем [Там же, с. 346—353]. Значительными считаются в науке и классические работы психологов и лингвистов П. Я. Гальперина [Гальперин, 1961], Н. И. Жинкина [Жинкин, 1998], А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1969], А. Р. Лурии [Лурия, 1979] и др. В работе «О кодовых переходах во внутренней речи» Н. И. Жинкин отмечает, что в процессе использования говорящими натурального звукового языка вырабатывается язык художественного мышления; в язык вводятся новые правила, которые влияют на форму языковой изобразительности описываемых ситуаций, что и фиксируется, например, в художественной прозе [Жинкин, 1998, с. 162]. Современные исследования лингвистов, посвящённые проблематике ВР, достаточно обширны и разноплановы: предметом рассмотрения становятся типологические характеристики ВР [Гусева, 2002], внутренний монолог

как форма интраперсональной коммуникации [Сергеева, 2008, Блох и др., 2009, Кириллова, 2011], конфликт, отраженный во ВР [Ларина, 2014], интериоризованный дискурс как модель ВР [Погребняк, 2011] и др. Общеизвестно, что в лингвистике текста ВР часто рассматривается наряду с речью автора в качестве композиционного *способа организации художественного текста*. ВР естественного языка описывается лингвистами прежде всего как речь вербализованная со своими типологическими разновидностями — несобственно-прямая речь, внутренний монолог, внутренний диалог, которые выступают как некий компонент мысли, необходимый для порождения словесного сообщения, однако непосредственно в коммуникации такая форма речи не участвует. Это некая условная психолингвистическая модель, получающая реальную вербализацию в зафиксированном письменном тексте, чаще всего — художественном [Гусева, 2002]. Лингвистами отмечается, что ВР естественного языка при использовании в художественной литературе не всегда сохраняет свои характерные черты, поскольку преобразуется в так называемую *изображённую* автором текста ВР персонажа. Персонаж ХТ описывается лингвистами с учётом структуры его языковой личности [Давлетова, 2016; Никандрова, 2010]; особенностей языкового конфликта, отражённого в семантике ВР [Ларина, 2014]; прагматики соотношения внутренней и внешней речи и их композиционно-синтаксического взаимодействия [Мартыанова, 2020; Попова, 2002]; и др. Исследователи показывают, что ВР персонажа представляет своеобразную *модель* естественной внутренней речи субъекта [Салимова, 2007]; определяется как *интериоризованный* дискурс [Погребняк, 2011]; характеризуется как особая условно-художественная форма *интраперсонального* общения [Ларина, 2014]; рассматривается как персонажная *интроспекция* [Федотова, 2007]. Изображённая ВР персонажа выступает как продукт художественного речетворчества, с помощью которой автор текста выражает свою субъективную точку зрения на диалогическое повествование. К. Я. Сигал справедливо отмечает, что «за каждой языковой личностью персонажа стоит особая метаязыковая концепция художественного образа, концентрирующая представления писателя о том, как в речевой деятельности опосредуется то или иное социальное лицо» [Сигал, 2021, с. 130]. Рассматриваемый нами главный персонаж романа олицетворяет собой авторское видение универсального английского дворецкого как статусного лица, представляющего этический кодекс слуг в британской лингвокультуре. Исследователь Т. В. Бондаренко изучает ценностные характеристики лингвокультурного типажа «английский дворецкий» и приходит к выводу, что следование профессиональному кодексу определяет основные ценности в поведении данного типажа [Бондаренко, 2009]. Наша работа пока-

зывает, что и в романе «Остаток дня» неоднократное упоминание профессионального кодекса английских дворецких представляет собой значимый компонент содержания ВР персонажа романа. Например: «*The Hayes Society claimed to admit butlers of 'only the very first rank'»* [Ishiguro, 1999, p. 32] (*Общество Хейса заявляло, что допускает в свои ряды дворецких «исключительно высшего класса»*)¹ (здесь и далее в примерах выделения наши. — С. Л., Л. Е.); «*One had to be guided by the judgement of 'the true ladies and gentlemen', argued the Society, or else 'we may as well adopt the proprieties of Bolshevik Russia'»* [Ibid., p. 33] (*Следует руководствоваться концепцией «истинных леди и джентельменов», доказывало общество, в противном случае «нам грозит скатывание до уровня большевистской России»*) и др.

Обратимся к пониманию художественного дискурса данного романа, определяя сферу функционирования ВР персонажа.

3. Художественный дискурс в структуре художественной коммуникации

Художественная коммуникация как одна из форм человеческой коммуникации характеризуется определёнными способами вербализации той информации, которая ее определяет. Общеизвестно, что главными действующими лицами художественной коммуникации в её литературных формах выступают автор — персонаж (и) — читатель. Автор использует естественный человеческий язык для создания такой виртуальной реальности, как ХТ, который представляет собой определённую структуру со знаковым содержанием, оформленную по законам конкретного языка. Являясь фактом литературы, ХТ характеризуется разножанровой направленностью при создании автором творческого продукта — художественного произведения. ХТ находит воплощение в разнообразных жанрах художественной литературы, одним из которых является роман как классическая форма художественного повествования. Обладая целостностью и внутренней завершёностью, художественное произведение понимается как динамичная структура, поскольку внутри ХТ уже заложена дискурсивная форма обращённости к читателю, интертекстуальность, прецедентность и другие значимые признаки вертикального контекста. ХТ, рассматриваемый с прагматической точки зрения, с учётом всех его экстралингвистических показателей, может номинироваться как ХД. В нем осуществляются пересечения интенции автора как адресанта, выражаемой различными способами, одним из которых является точка зрения персонажа, и восприятия текста читателем-адресатом данного дискурса. ХД образуется в том

1 Здесь и далее приводятся переводы цитируемого текста, выполненные В. А. Скороденко, по изданию: [Исигуро, 2020].

случае, когда адресат произведения — читатель становится соавтором художественной коммуникации, декодируя и интерпретируя текст, на основе которого создано произведение. Таким образом, художественная коммуникация как сфера творческой либо интерпретационной деятельности адресанта-адресата позволяет рассматривать данные типы соотношений. В числе главных субъектов ХД — персонажи, речевые характеристики которых могут иметь различные способы репрезентации в тексте.

В работах исследователей, занимающихся анализом специфики ХД романа К. Исигуро «Остаток дня», изучается ретроспективное повествование воспоминаний главного персонажа [Селитрина, 2018], судьба частного человека в контексте современной английской литературы [Белова, 2012], специфика «ненадёжных повествователей», не оценивающих объективно своё прошлое [Сидорова, 2018], обосновывается фикция «английскости» главного персонажа с учётом эталонов поведения, принятыми в японской культуре [Хабибуллина, 2012] и др. В интервью Исигуро отмечает, что в романе «Остаток дня» идеальный дворецкий служит собирательным образом человека, который пытается стереть эмоциональную составляющую своей личности в угоду профессиональному долгу [Vorda et al., 1991, p. 153].

4. Приемы языковой репрезентации внутренней речи персонажа в организации художественного дискурса романа «Остаток дня»

Далее будут охарактеризованы основные приёмы языковой репрезентации ВР персонажа в ХД романа. Обратимся к анализу данного типа речи по следующей модели: 1) дать формулировку *понятия ВР* персонажа; 2) обосновать *композиционно-структурную роль ВР* персонажа; 3) выявить *концептуальное* наполнение данного типа речи; 4) показать *функциональную* перспективу в пространстве ХД романа.

Внутренняя речь персонажа художественного текста понимается нами как субъектно-речевая структура естественного языка, зафиксированная в форме «чужой речи», характеризующаяся диалогичностью и дискурсивностью выражения, содержательно представляющая нормативный обработанный материал, что позволяет определять её как коммуникативную. Обладая данными характеристиками, ВР главного персонажа дворецкого Стивенса может быть названа *изображённой* речью, под которой понимается образ естественной ВР, построенной по воле писателя [Артюшков, 2004]. В романе Исигуро ВР персонажа дворецкого показана в виде диалогов с самим собой, с виртуальным собеседником из числа профессиональных дворецких (актуализирована функция обращения), с другими персонажами текста. Во ВР получают отражение и некоторые описания пейзажа, событий, происходящих в Дарлингтон-холле и во время путе-

шестивия дворецкого по северной Англии. Обратимся к специфическим особенностям ХД, которые реализуются в структуре изображённой ВР персонажа. Авторский ХД основан на тексте произведения определенного *жанра*, в нашем случае — это роман, относящийся к *английской психологической прозе*, одной из особенностей которой является субъектное повествование от первого лица. *Хронотоп* романа «Остаток дня» представляет собой *двухуровневое повествование* о дворецком Стивенсе, состоящее из *хронотопа 1 уровня* (реальная жизнь персонажа в координатах «здесь» и «сейчас»: шесть дней путешествия по Англии) и *хронотопа 2 уровня* (воспоминания дворецкого о 35-летнем служении лорду Дарлингтону). Наличие двух хронотопов характеризует «линейную разорванность» текста, организующим центром которого выступает ВР главного персонажа. Вся сюжетная линия романа отражается в данном типе речи: не только хронотоп воспоминаний полностью построен на её основе, но и хронотоп путешествия пронизан рассуждениями героя о прожитой им жизни или воспоминаниями о конкретном вчерашнем дне.

4.1. Роль текстовых категорий в репрезентации внутренней речи персонажа романа «Остаток дня»

Помимо смысловой формы связи компонентов ХД, выявляются способы грамматической связи между ними. Нам представляется продуктивным обращение к понятию «дискурсивных маркеров» (далее — ДМ), «соотносимых с особым классом слов, принципиально важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса» [Массалина, 2009, с. 212]. Это обусловлено тем фактом, что двухуровневое повествование в романе Ишигуро оформляется посредством дискурсивных слов, связывающих данные повествования. ДМ способствуют логичной связности дискурса и могут рассматриваться как союзный тип и *когезии*, и *когерентности* [Гальперин, 2007]. *Содержательно-фактуальная* информация, служащая основой ХТ, представлена в обоих хронотопах с учетом ключевых текстовых категорий — *проспекции*, *ретроспекции*, *интроспекции*. Отметим наличие проспекции в хронотопе 1: «*It seems increasingly likely that I really will undertake the expedition that has been preoccupying my imagination now for some days. An expedition, I should say, which I will undertake alone, in the comfort of Mr Farraday's Ford; an expedition which, as I foresee it, will take me through much of the finest countryside of England to the West Country...* [Ishiguro, 1999, p. 3] (Все **вероятней и вероятней**, что я и **в самом деле предприму** поездку, которая занимает мои мысли вот уже несколько дней. Поездку, нужно заметить, я **предприму** один, в удобнейшем «форде» мистера Фаррадея; **направлюсь же** в западные графства,

что, как я ожидаю, позволит по дороге обозреть много красивейших мест сельской Англии); в хронотопе 2: «*If I try, then, to describe to you what I believe made my father thus distinguished, I may in this way convey my idea of what 'dignity' is*» [Ibid., p. 36] (Так вот, если я попробую вам объяснить, что именно делало отца в моих глазах столь выдающейся личностью, я, возможно, сумею раскрыть и свое представление о «достоинстве»). Информация о событии (хронотоп 1) представляется персонажем в контексте будущего времени, даётся через оценочную персональную интроспекцию, выраженную, помимо её содержательной основы, с помощью **дискурсивного комментирующего маркера очевидности (возможности)**: *increasingly likely* (вероятней и вероятней), *really* (в самом деле), *as I foresee it* (как я ожидаю). Выступая как тип линейной связности между конструкциями отрывка текста (его начала), данный маркер представлен через несколько страниц во ВР персонажа и в дальнейшем повествовании при характеристике возможной поездки дворецкого в контексте всё той же проспекции, например: «*...I found myself reconsidering Mr Farraday's kind suggestion*» [Ishiguro, 1999, p. 10] (...я снова вернулся к любезному предложению, которое мне за несколько дней до того сделал мистер Фарадей); «*It seemed in the end there was little else to do but actually to raise the matter again...*» [Там же, p. 12] (В конце концов мне, похоже, не осталось ничего другого, как снова поднять тему поездки...); «*I would of course have to write... <...> I would also need to see to the matter of <...>. Various other questions <...> will need to be settled*» [Ibid., p. 20] (Разумеется, надо будет написать... <...> предстоит также решить вопрос о... <...> Понадобится утрясти и еще кое-что) и т. п. Формируя связность между отдельными отрезками речи первой главы романа, данные ДМ помогают сформировать специфический «рисунок» речевого портрета персонажа, ВР которого полна осторожного комментария слуги по отношению к своему хозяину. Употребления «*If I try, then, to describe to you...*» (Так вот, если я попробую вам объяснить...), «*I may in this way convey my idea*» (Я, возможно, сумею раскрыть и свое представление) (хронотоп 2) выступают в качестве тех же ДМ комментария возможности: персонаж в своей ВР обращается к виртуальным слушателям, пытаясь объяснить в будущем изложении уровень профессионализма своего отца-дворецкого. В связи с тем, что понятие «достоинство» приобретает в дальнейшем в дискурсе дворецкого черты ключевого концептуального признака, характеризующего высокий профессионализм слуги, можем констатировать, что уже в начале романа с помощью ДМ автором оформляется уровень глобальной связности дискурса, его когерентность. Отметим и то, что наполнение хронотопов показывает: в структуре воспоминаний персонажа, репрезентированных с помощью изображённой ВР,

содержательно-фактуальная информация из прошлых событий переоценивается, становясь *содержательно-концептуальной*. Например, после разговора со случайным прохожим дворецкий пытается переосмыслить свою жизнь в новых координатах и разобраться в проблеме необходимости выбора между личностным и статусным: «*It is now some twenty minutes since the man left, but I have remained here on this bench... <...> Perhaps, then, there is something to his advice that I should cease looking back so much, that I should adopt a more positive outlook and try to make the best of what remains of my day. After all, what can we ever gain in forever looking back and blaming ourselves of our lives have not turned out quite as we might have wished?*» [Ibid., p. 256] (Он ушёл минут, наверное, двадцать тому назад, а я остался сидеть на этой скамейке <...> Так, может, стоит прислушаться к его совету — перестать все время оглядываться на прошлое, научиться смотреть в будущее с надеждой и постараться как можно лучше использовать дарованный мне остаток дня? В конце концов, много ли проку от постоянных оглядок на прошлое и сожалений, что жизнь сложилась не совсем так, как нам бы хотелось?). ДМ оценки «*there is something to his advice that I should...*» (стоит прислушаться к его совету), «*try to make the best of what remains of my day*» (постараться как можно лучше использовать дарованный мне остаток дня), «*after all, what can we ever gain in forever looking back*» (в конце концов, много ли проку от постоянных оглядок на прошлое) характеризуют субъективную модальность персонажа как модальность неопределенности (гипотетического будущего, которое никогда не наступит). Вопросительные конструкции звучат как риторические вопросы, обращённые либо к себе самому, либо к невидимому собеседнику. Многолетнее служение дворецкого, олицетворяющее этический статус труда на благо хозяина, начинает понемногу терять свою безукоризненную для Стивенса добродетель. Текстовая категория *проспекции*, получающая вербальное воплощение во ВР персонажа, применяется во всем его дискурсе, начиная с необходимости заранее прокомментировать собственную информацию, вводя её с помощью ДМ, завершая попыткой переоценить смысл полученной информации.

Применение текстовой категории *ретроспекции* связано с представлением содержательно-концептуальной информации в обоих хронотопах в связи с тем, что Стивенс постоянно возвращается к самой значимой для него задаче — *раскрыть понимание сущности «великого дворецкого»*, попутно отметив своё профессиональное служение. Например, в хронотопе 1 при разговоре с прохожим: «*You see, I trusted. I trusted in his lordship's wisdom. All those years I served him, I trusted I was doing something worthwhile. I can't even say I made my own mistakes. Really — one has to*

*ask oneself — what **dignity** is there in that?»* [Ibid., p. 256] (*Я, понимаете, верил. Верил в мудрость его светлости. Все годы службы я верил, что приношу пользу. А теперь я даже не имею права сказать, что сам виноват в своих ошибках. Вот и приходится задаваться вопросом: а много ли в этом достоинства?»*); в хронотопе 2: «*There quickly sprang up, I recall, various butlers, each **claiming to have discovered** methods by which they could surpass Mr Marshall — methods they **made a great show** of keeping secret, as though they were French chefs guarding their recipes»* [Ibid., p. 142] (*Вспоминаю, как дворецкие один за другим **похвалялись, будто изобрели** методики чистки, оставляющие мистера Маршалла далеко позади, — методики, вокруг которых они **устраивали много шума**, пряча их от чужих глаз, словно французские кулинары — свои рецепты*). Внешняя речь персонажа (пример 1) с помощью ДМ обращения «*You see, I trusted*» («Я, понимаете, верил») отражает знаковость его ВР, поскольку разговор с реальным слушателем оформлен как диалог с актуализированным адресатом из ВР субъекта. ВР персонажа (пример 2) обосновывает содержательно-концептуальную информацию о превосходном качестве дел, выполняемом «великим дворецким», которая имплицитно задается использованием имени собственного (*мистер Маршалл*), обладатель которого отвечает, по мнению окружающих, такой высокой характеристике: «*That is to say, I am talking of the likes of Mr Marshall of Charleville House <...>. If you **have ever had the privilege of meeting such men**...*» [Ibid., p. 29] (*То есть я имею в виду такие фигуры, как мистер Маршалл из Чарлевилл-хауса <...>. Если вам **выпала честь водить знакомство с такими людьми**...*). Основными ДМ, характеризующими ретроспекцию, выступают акценты на детали из прошлого, возврат к сказанному ранее. Дисконтинуум двух хронотопов, в которых пространственно-временные рамки сужаются либо расширяются, происходит перестановка временных планов повествования, объединяет содержательно-фактуальная информация, получающая статус концептуальной в изображённой ВР персонажа.

4.2. Концептуальный и коммуникативный аспекты в организующей роли внутренней речи персонажа художественного дискурса

В раскрытии базовых смыслов интроспекции дворецкого особую роль выполняют художественные концепты текста СЛУЖЕНИЕ, ДОЛГ, ДОСТОИНСТВО, в совокупности определяющие содержание авторского (персонажного) концепта — ВЕЛИКИЙ ДВОРЕЦКИЙ. В них заключены основные ценности персонажа, выраженные с помощью дискурсивных формул, которые, в отличие от десемантизированных, необходимых для связности ДМ, семантически нагружены: «*They wear their **profes-***

sionalism as a decent gentleman will wear his suit: he will not let ruffians or circumstances tear it off him in the public gaze...» [Ibid., p. 44] (Для великих дворецких **профессиональный облик** — то же, что для порядочного джентельмена костюм: он не даст ни бандитам, ни стихиям сорвать его с себя на людях...); «...association with a **truly distinguished household is a prerequisite of 'greatness'**» [Там же, p. 123] (...служба в **истинно великих домах** — подлинно необходимое предварительное условие «величия»); «The great butlers are great by virtue of **their ability to inhabit their professional role and inhibit it to the utmost...**» [Ibid., p. 43] (Великие дворецкие тем и велики, что **способны сживаться со своим профессиональным лицом, срastаться с ним намертво...**) и др. Стивенс с помощью ВР ведет виртуальный разговор с воображаемым собеседником, произносит слова, содержащие убийственную формулировку, выражающую идею уничтожения индивидуальности личности, выполняющей функции служения господину: долг ставится выше человека, его исполняющего. Наличие оценочной шкалы в высшей степени характерно для ХД, соответственно, она ярко представлена и в модальности ВР персонажа. Модальность долженствования определяет практически всё основное субъективное наполнение данной речи. Аксиологическая модальность обоснована модальностью необходимости или долженствования: «It is, of course, the responsibility of every butler to devote his utmost care in the devising of a staff plan. <...> I have myself devised many staff plans over the years, and **I do not believe I am being unduly boastful** if I say that very few ever needed amendment» [Ibid., p. 5—6] (Великий дворецкий, само собой разумеется, несёт ответственность за тщательнейшую разработку схемы распределения обязанностей. <...> Мне за свою жизнь довелось составлять много таких схем, и **я могу без ложной скромности сказать**, что лишь считанные из них приходилось впоследствии дорабатывать). Персонаж на своём собственном примере показывает, что он близок к статусу «великого дворецкого», поскольку самооценка профессиональных действий достаточно высока: «As far as I am concerned, I carried out my duties to the best of my abilities, indeed to a standard which many may consider **'first rate'**» [Ibid., p. 211] (Если уж речь зашла обо мне, то я исполнял свои обязанности по мере сил и на таком уровне, какой многие могут считать **первоклассным**). Четыре основополагающих концепта СЛУЖЕНИЕ, ДОЛГ, ДОСТОИНСТВО, ВЕЛИКИЙ ДВОРЕЦКИЙ последовательно раскрываются во ВР, приобретая авторские черты по мере развертывания диалогов героя с его виртуальными слушателями (читателем из среды дворецких и вторым «я»). Например: «...The whole question is very akin to the question that has caused much debate in our profession over the years: **what is a 'great' butler?** <...> You

will notice I say *'what'* rather than *'who'* is a great butler; for there was actually no serious dispute as to the identity of the men who set standards amongst our generation» [Ibid., p. 29] (...люди моей профессии с жаром обсуждают вот уже долгие годы: что такое «великий» дворецкий? <...> Прошу обратить внимание — я говорю «что», а не «кто» есть великий дворецкий, поскольку не наблюдалось серьезного расхождения во мнениях о том, кто именно олицетворяет собой профессиональный эталон среди представителей нашего поколения); «... if one looks at, say, Mr Marshall or Mr Lane, it does seem to be that the factor which distinguishes them from those butlers who are merely extremely competent is most closely captured by this word 'dignity'» [Ibid., p. 33] (...возьмем, к примеру, мистера Маршалла или мистера Лейна; так вот, я и вправду считаю, что свойство, отличающее их от других дворецких, не более чем прекрасных знатоков своего дела, точнее всего можно выразить словом «достоинство»); «...after one has been in the profession as long as one has, one is able to judge intuitively the depth of a man's professionalism without having to see it under pressure» [Ibid., p. 44—45]. (...прослужив в дворецких с мое, обретаешь способность интуитивно судить о профессиональных достоинствах другого дворецкого, даже не видя того в экстремальных условиях). Концепт «Великий дворецкий» постепенно приобретает на страницах текста индивидуально-авторский смысл, раскрываемый персонажем в характеристике частных концептов служения, долга и достоинства как составляющих ассоциативную фреймовую основу базового, например: «...before being **rewarded at last with the opportunity to serve Lord Darlington**» [Ibid., p. 122] (...пока наконец судьба не послала мне награду — возможность поступить в услужение к лорду Дарлингтону); «Let us establish this quite clearly: **a butler's duty is to provide good service. It is not to meddle in the great affairs of the nation**» [Там же, p. 209] (Давайте раз и навсегда договоримся: **долг дворецкого — образцово служить, а не соваться в дела государственной важности**); «...I believe strongly that this **'dignity'** is something one can meaningfully strive for throughout one's career. Those 'great' butlers like Mr Marshall who have it, I am sure, acquired it over many years of self-training and the careful absorbing of experience» [Ibid., p. 34] (...однако же твёрдо верю: к **достоинству** можно осознанно стремиться на протяжении всей карьеры. Те «великие» дворецкие вроде мистера Маршалла, у кого оно есть, обрели его, не сомневаясь, путём многолетнего самовоспитания и глубокого осмысления профессионального опыта).

ВР персонажа Стивенса наполнена лексическими повторами, семантически характеризующими ключевое понятие «великого» в представлении как главного персонажа, так и других персонажей-дворецких; при этом ис-

пользуется ДМ *обращения к теме*, которая уже была поднята ранее: *«But let me return to the question that is of genuine interest, this question we so enjoyed debating when our evenings were not spoiled by chatter from those who lacked any fundamental understanding of the profession; that is to say, the question ‘what is a great butler?’»* [Ibid., p. 31—32] (*Но позвольте вернуться к вопросу, представляющему подлинный интерес; к вопросу, который мы с таким удовольствием обсуждали, когда наши вечера не омрачала болтовня тех, кому отказано в глубоком понимании нашей профессии, а именно к вопросу о том, «что такое великий дворецкий?»*). Связывая воедино понятия «служение», «долг» и «достоинство», дворецкий Стивенс на протяжении всего повествования доказывает, что великим дворецким может быть тот, кто реализовал свои способности в службе великому человеку: *«A ‘great’ butler can only be, surely, one who can point to his years of service and say that he has applied his talents to serving a great gentleman — and through the latter, to serving humanity»* [Ibid., p. 123] (*«Великим», конечно же, может быть лишь такой дворецкий, который, сославшись на долгие годы службы, имеет право сказать, что поставил свои способности на службу великому человеку, а тем самым — и человечеству*). Отстаивая чистоту политического поведения своего хозяина лорда Дарлингтона, дворецкий Стивенс с жаром убеждает читателя в том, что служил человеку с безупречной репутацией. Например: *«And as for the British Union of Fascists, I can only say that any talk linking his lordship to such people is quite ridiculous. <...> Lord Darlington, you will understand, was the sort of gentleman who cared to occupy himself only with what was at the true centre of things and the figures he gathered together in his efforts over those years were as far away from such unpleasant fringe groups as one could imagine»* [Ibid., p. 146] (*Что касается Британского союза фашистов, могу сказать лишь одно: любые попытки связать его светлость с этими господами попросту смехотворны. <...> Лорд Дарлингтон, прошу вас понять, был из таких джентльменов, кто любит находиться в центре событий, и люди, которых он на протяжении тех лет объединил своими усилиями, необразимо далеко стояли от гнусных экстремистских группировок подобного толка*). Коммуникативность изображённой ВР персонажа заключается в постоянной диалогичности с виртуальным собеседником-читателем, который становится слушателем закрытых для остальных сокровенных мыслей персонажа. Как видим, и структурно-композиционная, и семантико-концептуальная организация текста показывает, что во ВР персонажа отражаются все важнейшие темы авторского повествования.

Выделенные нами две основные текстовые категории, перспекция и ретроспекция, характеризующие организацию текста и активно отражен-

ные именно в интроспекции ВР персонажа, определяют и коммуникативную организацию дискурса, если мы обратимся к рассмотрению соотношений заглавие — основной текст романа. Коммуникативная организация ХТ традиционно характеризуется по отношению к заглавию как тематическая. Название «*Остаток дня*» прежде всего понимается как тема произведения, выраженная отглагольным существительным *остаток* и существительным с темпоральной семантикой *день*. В прямом смысле это выражение обозначает признак действия того, что осталось, часть отрезка времени, ещё не использованного, то есть вечер как завершающую часть дня. По заглавию мы судим о том, что детерминантное употребление имплицитно включает в свой объём пропозиitivность, обладая темпоральным значением. Читатель, не погружённый до чтения текста в его содержание, ощущая скрытую предикативность названия, воспринимает его в качестве темы текста (романа). ХД романа «Остаток дня» оценивается лишь после прочтения всего текста читателем-интерпретатором как представителем художественной коммуникации. Коммуникативная авторская стратегия прочитывается как тематическая: заглавие ретроспектически выступает тематической доминантой текста в сильной дискурсивной позиции начала. Употребление *остаток дня* приобретает метафорический смысл, обусловленный тематической составляющей: это есть завершающая часть продуктивной жизни человека. Отметим, что, помимо скрытой интроспекции главного персонажа, определённую роль играет речевая характеристика других авторских персонажей, с которыми дворецкий знакомится в процессе путешествия по Англии. Их сюжетобразующая роль заключается в том, чтобы человеку с «остатком дня» «открыть глаза» на его собственную судьбу. Например, в хронотопе 1 собеседник Стивенса высказывает свое мнение относительно «остатка дня» любого человека: «*We've all got to out our feet up at some point. <...> All right, so neither of us are exactly in our first flush of youth, but you've got to keep looking forward. <...> You've got to enjoy yourself. The evening's the best part of the day. You've done your day's work. Now you can put your feet up and enjoy it. That's how I look at it. Ask anybody, they'll all tell you. The evening's the best part of the day*» [Ibid., p. 256] (*Всем нам когда-то приходит срок уходить на покой. <...> Согласен, и я и Вы далеко не первой молодости, но нужно глядеть вперёд... <...> Нужно радоваться жизни. Вечер — лучшее время суток. Кончился долгий рабочий день, можно отдохнуть и радоваться жизни. Вот как я на это гляжу. Да Вы любого спросите — услышите то же самое. Вечер — лучшее время суток*). Точку зрения случайного прохожего, по воле автора романа, также оказавшегося дворецким, не дослужившим до «великого», характеризующую отношение

к «вечеру жизни человека», Стивенс воспроизводит потом в потоке собственной ВР, вспоминая её позже, чем состоялся разговор. Но, подумав над содержанием слов, дворецкий принимает решение — использовать дарованный ему «остаток дня» для того, чтобы научиться грамотно шутить со своим новым хозяином, поскольку тот не очень был доволен отсутствием легкости в диалоге со слугой: «...bantering is hardly an unreasonable duty for an employer to expect a professional to perform. <...> Perhaps, then, when I return to Darlington Hall tomorrow — Mr Farraday will not himself be back for a further week — I will begin practising with renewed effort. I should hope, then, that by the time of my employer's return, I shall be in a position to pleasantly surprise him» [Ibid., p. 58] (...у хозяев есть немалые основания, чтобы требовать от профессиональных дворецких умения поддерживать подобную болтовню <...> ...вернувшись завтра в Дарлингтон-холл — а мистер Фарадей задержится ещё на неделю, — я, пожалуй, с удвоенной силой возобновлю тренировки. Поэтому, будем надеяться, к возвращению хозяина я окажусь в состоянии преподнести ему приятный сюрприз).

Таким образом, повествование с помощью репрезентации ВР персонажа завершается. Дворецкий, прекрасно понимая, что у него ещё есть «остаток дня», не находит в себе сил принять свой грядущий «вечер» как отдых от будущих профессиональных забот и осмысление собственной жизни. Стивенс остаётся внутри того пространства, которое его уже поглотило. Статусно-ориентированный дискурс жизни человека подчиняет себе лично-ориентированную его направленность, о чём и повествует нам субъектно-речевая организация ХД романа Исигуро «Остаток дня».

5. Заключение

Проведя лингводискурсивный анализ вербальной ВР главного персонажа дворецкого Стивенса, можно констатировать, что во всех линиях повествования в ХД романа «Остаток дня» это есть важнейшая, определяющая сущность данного дискурса. Такой тип речи представляет собой образование, созданное на основе естественной ВР человека, обладающее специфическими признаками нормативности, логичности, выверенности с точки зрения выбора лексики, грамотности используемых конструкций, художественной оформленности. На содержание речи оказывает влияние профессиональный статус дворецкого, служащего в элитном английском доме.

Коды ВР персонажа в ХТ работают по аналогии с кодами внешней речи и доступны читателю как полноценная коммуникация, что подтверждает и наличие в диалоговом пространстве ВР персонажа своего виртуального читателя, с которым дворецкий ведет убеждающий разговор. Главной фор-

мой выражения изображённой ВР персонажа выступает внутренний диалог субъекта с самим собой и виртуальными читателями из среды профессиональных дворецких (*for the likes of you and me / таким, как мы с вами; You may be amazed... / Вы, пожалуй, удивитесь...; I hope you will agree... / Вы, полагаю, согласитесь...*), с которыми персонаж считает возможным беседовать и предлагать обоснование своей позиции. Интроспекция дворецкого занимает центральное место в хронотопах с перспективой и ретроспективой, так как в диалогах высказываются все базовые дискурсивные формулы, определяющие этику поведения субъекта.

Другие текстовые категории (глобальная связность, например) характеризуются активным использованием дискурсивных маркеров, способствующих связности дискурса («*In thinking about this recently, it seems possible that...*» [Ibid., p. 173] (*Когда возвращаешься к событиям задним числом, представляется вероятным...*)), и выражаются с помощью четырёх ключевых концептов (СЛУЖЕНИЕ, ДОЛГ, ДОСТОИНСТВО, ВЕЛИКИЙ ДВОРЕЦКИЙ), содержание которых раскрывается именно во ВР персонажа с помощью лексических повторов, возвращающих читателя к обсуждению категории служения или категории достоинства «великого дворецкого» в хронотопе развёрнутых воспоминаний субъекта.

Коммуникативная роль заглавия текста романа как способа организации авторских интенций позволяет после прочтения всего текста отметить, что его метафорическое наполнение представляет собой глобальную пропозицию пространственно-временного характера — «сжатый» хронотоп, получающий расшифровку в основной части ХД.

ХД Стивенса включает в свой объём личностно-ориентированную направленность, главным доказательством наличия которой является доминирующая эгоцентрическая речь героя, и статусно-ориентированную направленность, поскольку в эгоцентрической речи звучит тема подмена личностного статусным служением.

Источники

1. *Исигуро, К.* Остаток дня / К. Исигуро ; [перевод с английского В. А. Скороденко]. — Москва : ЭКСМО, 2020. — 330 с.
2. *Ishiguro K.* The Remains of the Day / K. Ishiguro. — London : Faber and Faber, 1999. — 266 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артюшков И. В.* Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе : на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 17.05.2004 / И. В. Артюшков. — Москва, 2004. — 46 с.

2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1972. — 318 с.
3. *Белова Е. Н.* Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (к проблеме художественного мультикультуризма) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 21.03.2012 / Е. Н. Белова. — Воронеж, 2012. — 19 с.
4. *Блох М. Я.* Внутренняя речь в структуре художественного текста / М. Я. Блох, Ю. С. Сергеева. — Москва : МПГУ, 2011. — 180 с.
5. *Бондаренко Т. В.* Ценностные характеристики лингвокультурного типажа «английский дворецкий»: оценка типажа в современном массовом сознании британцев / Т. В. Бондаренко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 2, Языкознание. — 2009. — № 1 (9). — С. 193—196.
6. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 240 с.
7. *Выготский Л. С.* Мышление и речь : психологические исследования / Л. С. Выготский. — Москва : Лабиринт, 1996. — 416 с.
8. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : КомКнига, 2007. — 144 с.
9. *Гальперин П. Я.* К вопросу о внутренней речи / П. Я. Гальперин // Доклады АПН РСФСР. — 1961. — № 4. — С. 134—138.
10. *Гусева Г. В.* Типологические характеристики вербализованной внутренней речи : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 05.02.2003 / Г. В. Гусева. — Орел, 2002. — 34 с.
11. *Давлетова Т. А.* Персонаж художественного произведения как языковая личность / Т. А. Давлетова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 2. — С. 11—14.
12. *Жинкин Н. И.* Язык — речь — творчество / Н. И. Жинкин. — Москва : Лабиринт, 1998. — 368 с.
13. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
14. *Кириллова Т. В.* Внутренняя речь в аспекте интраперсональной коммуникации (на материале англоязычной художественной прозы) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 03.03.2011 / Т. В. Кириллова. — Самара, 2011. — 23 с.
15. *Леонова Н. М.* Прагматика обращенности внутренней речи в немецких и русских художественных текстах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 29.04.2005 / Н. М. Леонова. — Москва, 2005. — 24 с.
16. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — Москва : Просвещение, 1969. — 214 с.
17. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Москва : Издательство Московского университета, 1979. — 320 с.
18. *Ларина С. Г.* Ситуация конфликта и ее отражение во внутренней речи (на материале англоязычной художественной литературы XIX—XX в) : диссертация ... кандидата филологических наук / С. Г. Ларина. — Орехово-Зуево, 2014. — 159 с.
19. *Мартыанова И. А.* Композиционно-синтаксическое взаимодействие внешней и внутренней речи персонажей в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» / И. А. Мартыанова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2020. — № 4. — С. 149—160. — DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-13.

20. *Массалина И. П.* Дискурсивные маркеры / И. П. Массалина // *Известия Калининградского государственного технического университета* / И. П. Массалина. — 2009. — № 15. — С. 211—217.

21. *Никандрова И. А.* Языковая личность персонажа: лингвистический аспект исследования / И. А. Никандрова // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. Серия: Филология и искусствоведение. — 2010. — № 2(2). — С. 15—19.

22. *Погребняк Ю. В.* Характеристики интериоризованного дискурса : автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 29.11.2012 / Ю. В. Погребняк. — Волгоград, 2012. — 41 с.

23. *Салимова Р. М.* Модальность внутренней речи в английских и русских текстах: диссертация ... кандидата филологических наук: 03.05.2007 / Р. М. Салимова. — Уфа, 2007. — 163 с.

24. *Селитрина Т. Л.* Память и нарратив в романе К. Исигуро «Остаток дня» / Т. Л. Селитрина // *Вестник Пермского университета*. Серия: Российская и зарубежная филология. — 2018. — Т. 10, № 4. — С. 125—134. — DOI: 10.17072/2037-6681-2018-4-125—134.

25. *Сергеева Ю. С.* Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 21.09.2009 / Ю. С. Сергеева. — Москва, 2009. — 35 с.

26. *Сигал К. Я.* Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа / К. Я. Сигал // *Научный диалог*. — 2021. — № 2. — С. 127—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146.

27. *Сидорова О. Г.* Кадзуо Исигуро. Писатель в «зыбком мире» / О. Г. Сидорова // *Вопросы литературы*. — 2018. — № 4. — С. 301—318. — DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-301-318.

28. *Федотова О. С.* Лингвостилистические средства реализации интроспекции персонажа в современной англоязычной художественной прозе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 28.09.2007 / О. С. Федотова. — Москва, 2007. — 27 с.

29. *Хабибуллина Л. Ф.* Японский контекст романа К. Исигуро «Остаток дня» / Л. Ф. Хабибуллина // *Филология и культура*. — 2012. — № 1 (27). — С. 130—135.

30. *Vorda A.* An Interview with Kazuo Ishiguro [Electronic resource] / A. Vorda, K. Herzinger, K. Ishiguro // *Mississippi Review*. — 1991. — Volume 20 (1/2). — P. 131—154. — Access mode: <http://www.jstor.org/stable/20134516> (accessed: 17.04.2021).

MATERIAL RESOURCES

Ishiguro, K. (2020). *The Remains of the Day* [translation from English V. A. Skorodenko]. — Moscow : Eksmo. 330 p. (In Russ.).

Ishiguro, K. (1999). *The Remains of the Day*. London : Faber and Faber. 266 p.

REFERENCES

Artyushkov, I. V. (2004). *Inner speech and its image in fiction: based on the novels of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy*: author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 46 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1972). *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow: Art Literature. 318 p. (In Russ.).

- Belova, E. N. (2012). *Poetics of Kazuo Ishiguro's novel "Don't Let Me Go" (to the problem of artistic multiculturalism): author's abstract of PhD. Diss. Voronezh. 19 p. (In Russ.)*.
- Blokh, M. Ya., Sergeeva, Yu. S. (2011). *Internal speech in the structure of artistic text. Moscow: Moscow State Pedagogical University. 180 p. (In Russ.)*.
- Bondarenko, T. V. (2009). Value characteristics of the linguocultural type "English butler": assessment of the type in the modern mass consciousness of the British. *Bulletin of Volgograd State University. Series. 2, Linguistics, 1 (9): 193—196. (In Russ.)*.
- Davletova, T. A. (2016). Character of a work of art as a linguistic personality. *Vestnik VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2: 11—14. (In Russ.)*.
- Fedotova, O. S. (2007). *Linguistic stylistic means of implementing character introspection in modern English-language fiction: author's abstract of PhD. Diss. Moscow. 27 p. (In Russ.)*.
- Galperin, I. R. (2007). *Text as an object of linguistic research. Moscow: KomKniga. 144 p. (In Russ.)*.
- Guseva, G. V. (2002). *Typological characteristics of verbalized internal speech: author's abstract of PhD. Diss. Orel. 34 p. (In Russ.)*.
- Halperin, P. Ya. (1961). On the question of internal speech. *Reports of the APN RSFSR, 4: 134—138. (In Russ.)*.
- Karasik, V. I. (2002). *Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Change. 477 p. (In Russ.)*.
- Khabibullina, L. F. (2012). The Japanese context of K. Ishiguro's novel "The Remains of the Day". *Philology and Culture, 1 (27): 130—135. (In Russ.)*.
- Kirillova, T. V. (2011). *Internal speech in the aspect of intrapersonal communication (based on the material of English-language fiction): author's abstract of PhD. Diss. Samara. 23 p. (In Russ.)*.
- Larina, S. G. (2014). *Situation of the conflict and its reflection in internal speech (based on the material of English-language fiction of the XIX—XX centuries). PhD Diss. Orekhovo-Zuevo. 159 p. (In Russ.)*.
- Leonova, N. M. (2005). *Pragmatics of the inversion of inner speech in German and Russian literary texts: author's abstract of PhD. Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.)*.
- Leontyev, A. A. (1969). *Language, speech, speech activity. Moscow: Education. 214 p. (In Russ.)*.
- Luria, A. R. (1979). *Language and consciousness. Moscow: Moscow University Publishing House. 320 p. (In Russ.)*.
- Martyanova, I. A. (2020). Compositional-syntactic interaction of external and internal speech of characters in the novel by IS Turgenev "Fathers and Sons". *Bulletin of the Cherepovets State University, 4: 149—160. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-13. (In Russ.)*.
- Massalina, I. P. (2009). Discourse markers. *Bulletin of the Kaliningrad State Technical University, 15: 211—217. (In Russ.)*.
- Nikandrova, I. A. (2010). Linguistic personality of the character: the linguistic aspect of the study. *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. Series: Philology and Art Criticism, 2 (2): 15—19. (In Russ.)*.
- Pogrebnyak, Yu. V. (2012). *Characteristics of internalized discourse: author's abstract of Doct. Diss. Volgograd. 41 p. (In Russ.)*.

- Salimova, R. M. (2007). *Modality of inner speech in English and Russian texts*. PhD Diss. Ufa. 163 p. (In Russ.).
- Selitrina, T. L. (2018). Memory and narrative in K. Ishiguro's novel "Remains of the day". *Bulletin of Perm University. Series: Russian and Foreign Philology*, 10/4: 125—134. DOI: 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134. (In Russ.).
- Sergeeva, Yu. S. (2009). *Internal speech as a special form of linguistic communication (based on the material of English-language fiction): author's abstract of Doct. Diss.* Moscow. 35 p. (In Russ.).
- Sidorova, O. G. (2018). Kazuo Ishiguro. A writer in a "shaky world". *Questions of literature*, 4: 301—318. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-301-318. (In Russ.).
- Sigal, K. Ya. (2021). About one lexico-syntactic marker of the character's linguistic personality. *Nauchnyi dialog*, 2: 127—146. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1971). *About the theory of artistic speech*. Moscow: Higher school. 240 p. (In Russ.).
- Vorda A., Herzinger, K., Ishiguro, K. (1991). An Interview with Kazuo Ishiguro. *Mississippi*, 20 (1/2): 131—154. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20134516> (accessed: 17.04.2021).
- Vygotsky, L. S. (1996). *Thinking and speech: psychological research*. Moscow: Labyrinth. 416 p. (In Russ.).
- Zhinkin, N. I. (1998). *Language — speech — creativity*. Moscow: Labyrinth. 368 p. (In Russ.).